

подробное и в общем и целом верное описание Вавилона и его храмов, которые являлись творениями этого царя.

Посмертное издание труда Эдвина Арвидовича Грантовского является большим событием в изучении истории и культуры древних иранцев. Он, как и другие работы этого первоклассного ираниста и замечательного человека, основан на превосходном знании огромного фонда разноязычных письменных памятников и археологических источников и их тонком и щепетильно добросовестном анализе с критическим учетом всей соответствующей иранистической, классической и ассириологической литературы, включая также старые публикации.

М.А. Дандамаев

© 1999 г.

F. PINA POLO. Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik (Heidelberger Althistorische Beiträge und Epigraphische Studien; Bd 22. Hrsg. von G. Alföldy). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 216 S.

Демократия и свобода слова – понятия тесно связанные. В Риме Поздней республики, в эпоху, когда политическая борьба достигла крайнего накала, а искусство публичной речи – расцвета, естественно искать черты, которые могут быть истолкованы как элементы демократического устройства. Поэтому интерес к ораторскому искусству I в. до н.э. не только как к культурному, но и политическому феномену не ослабевает в историографии. Отражением этого интереса является книга испанского исследователя, профессора Сарагосского университета Ф. Пина Поло. Роль свободного слова в Римской республике, в которой сила публичной речи, ее влияния на народ могла быть противопоставлена открытому насилию, и процессы, приведшие к утрате важнейшей из политических свобод, – в центре внимания автора. Цитата из Цицерона (Cic. Fam. XII. 22.1) не случайно вынесена им в заглавие книги «Словом против меча» – такова была, по мнению Ф. Пина Поло, альтернатива политической жизни эпохи Поздней республики, когда явно обнаружилось противоборство двух способов убеждения – силой слова и силой оружия.

Книга состоит из введения, шести глав основной части и заключения. В конце ее приведены просопографические таблицы, дан список использованной автором литературы, включающий более 300 названий, приложены указатели понятий, имен, цитируемых источников. Глава первая – «Политика и свобода слова» (параграфы: «Демократия и участие народа в политической жизни», «Равноправие и свобода слова», «Ораторы и слушатели в Афинах и Риме», «Публикация и распространение текстов речей»; вторая – «Политические ораторы» (параграфы: «Privati в роли ораторов в народных собраниях», «Посредники в народных собраниях», «Producere in contionem», «Плебейский трибунал и contiones», «Эпоха специалистов: imperatores, солдаты и юристы», «Судебные и политические ораторы»); третья – «Учение риторики» (параграфы: «Novitas и риторика», «Реакция аристократии: цензорский эдикт 92 г.», «Политик-оратор – идеал Цицерона»), четвертая – «Contio locus invidiae est» (параграфы: «Слухи как орудие политической борьбы: subrostrani и susurratores», «Invidia и народные собрания в речи Цицерона "В защиту Клуенция"», «Цицерон и contiones»), пятая – «Contio locus seditionis est» (параграфы: «Политическое влияние plebs urbana и plebs contionalis», «Руководящая роль элиты», «Политические цели мобилизации народа»), шестая – «Словом против меча» (параграфы: «Слово и меч после мартовских ид», «Убеждающая мощь Октавиана»). Выводы как книги в целом, так и отдельных ее разделов суммированы в «Заключении».

Оглавление обнаруживает замысел автора: от краткого вводного экскурса в теоретические проблемы политического устройства Поздней республики, сравнительной характеристики роли и места устного слова, публичной речи в Риме и Афинах (гл. 1) он переходит к анализу конкретных данных о политических ораторах последней трети II–I вв. до н.э., характеристике их статуса (гл. 2) и социального состава (гл. 3), рассматривая затем речь перед народом как элемент стратегии римского политика, как средство усиления его

влияния, а также пути и методы осуществления последнего (гл. 4 и 5). В конце книги (гл. 6) показано, как ораторское искусство было вытеснено из сферы политики будущим императором Августом, по иронии судьбы ловко использовавшим свое умение говорить перед народом и те возможности, которые предоставляла в республиканском Риме свобода слова, именно для ее подавления.

Уже из беглого обзора содержания работы явствует, что в качестве основного поля, где политическая борьба могла вестись изустно, автор рассматривает *contiones*¹ – единственный вид собрания в Риме, в котором законодательно допускалось обращение к народу с речью. Именно сходки составляют предмет давнего интереса Ф. Пина Поло, автора ряда статей и монографии, посвященных этому виду народного собрания². Обращает на себя внимание и широта привлекаемых источников: среди них оказывается не только наследие Цицерона (на анализе некоторых из его речей автор останавливается в книге специально), но и источники мало известные и редко используемые.

В начале работы автор справедливо подчеркивает, что одна из наиболее важных черт демократии (пожалуй, даже более существенная, чем право избирать и быть избранным) – это право участия граждан в принятии политических решений и в еще большей степени то значение, которое сам народ придает этому участию. Институты и механизмы, призванные его обеспечить, существовали в Афинах V–IV вв., но не в Риме I в. до н.э. – таков итог поиска демократических черт в политическом устройстве Поздней республики, занимавшего У. фон Любтова, А. Альфельди, К. Николе, Ф. Миллара, Дж. Норта, Э. Линтотта. Обзор основных трактовок этого вопроса (гл. 1) привлекателен своей краткостью и емкостью. Законодательная инициатива принадлежала в Риме исключительно элите; собрание граждан могло принимать или отвергать ее предложения, но даже порядок их обнародования не был известен заранее: повестка дня не утверждалась, темы выбирались по усмотрению магистратов. Выступать в собрании рядовые граждане не могли – в Риме существовала своего рода монополия на слово, свободой которого обладали лишь сенаторы. Пассивность народа освящалась *mos maiorum*, попытки активизировать слушателя, например, путем обращения к нему с вопросами (*interrogare contionem*) не приветствовались. Пространственное положение говорящего по отношению к слушающим фиксировало его превосходство, символически выражая и специфику римского политического строя: где бы ни проводились сходки – у ростр или, реже, у храма Кастора и Беллоны, на Капитолии, в цирке Фламиния – оратор всегда возвышался над внимающими ему, стоя на рострах, подиуме, трибуне. Показательно, что модель выступления *e superiore loco* была перенесена римлянами и в покоренные города Средиземноморья (в том числе греческие, где прежде ораторы говорили на афинский лад *ἐν μέσῳ*). Народ, однако, признавался безусловным партнером в этом своеобразном «диалоге» – само признание необходимости обращения с речью к гражданам, собравшимся на сходку, свидетельствует о признании их (независимо от их количества) представителями всего *populus Romanus*.

Публичное выступление в *contiones* было окружено религиозным ореолом, будучи одновременно действенным инструментом контроля со стороны общественного мнения и неизменно односторонним каналом информации, шедшей исключительно сверху вниз. Само слово «оратор», происходящее от глагола «*orare*» («обращаться к богам»), имплицитно включало в себя сакральный смысл. Обычай проводить сходки у храма (*templum*) и открывать их особой молитвой, произносимой создавшим собрание магистратом, усиливал религиозное восприятие речей, звучавших перед народом. Обладание *auctoritas* было необходимым условием для оратора: это трудно переводимое, чисто римское понятие предполагало молчаливое принятие политика, признание его более высокого положения, легитимированного харизматическим характером власти и не столько индивидуальными качествами говорящего, сколько его принадлежностью к аристократии. Зеркальное отражение *dignitas* и *fama* господствующего слоя – то, что в первую очередь ожидалось от народа в собрании. Информация, предоставляемая народу, содержалась не только в сообщениях о постановлениях сената, эдиктах, проведении цензов и т.п., но и произвольно извлекалась из докладов триумфаторов об их славных деяниях, из публичных речей по умершим, из клятв и заверений, произносимых магистратами перед началом и по истечении срока полномочий. Не только укрепление собственной репутации, но и подрыв репутации соперников и конкурентов был возможен в *contiones* благодаря дискуссиям и кампаниям против того или иного политического деятеля, разжигаемым в собрании. В политическом механизме республики,

¹ *Iudicia publica* он исключает из своего исследования.

² *Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.*

таким образом, выступления на сходках служили прежде всего созданию имиджа как элиты в целом, так и отдельных сенаторов.

Идея прерогатив элиты на публичное слово красной нитью проходит через анализ просопографических данных о политических ораторах эпохи Поздней республики. Основная на нем вторая глава относится к числу наиболее интересных в книге. Тщательность подбора данных и осторожность, с которой автор обращается со статистическими выкладками, делая оговорку, что сохранившаяся информация неполна и может быть использована лишь с оглядкой, делает главу особенно привлекательной. К сожалению, Ф. Пина Поло ограничивается лишь собраниями, имевшими явное политическое или законодательное значение; *contiones* перед *iudicia populi*, по поводу *laudationes funebres*, *de triumpho* и *consecrationes bonorum* не учитываются вовсе³. Тем самым существенное общее наблюдение о роли речи перед народом для создания образа политика не получает в этой главе развития. Идея восприятия речи в религиозном свете и монополии элиты на слово, однако, обосновывается и раскрывается во всей полноте.

При чтении раздела важны таблицы, помещенные в приложении (с. 178–192). Основными являются две – *privati* (1) и магистраты (2) в роли ораторов в народном собрании. Первая таблица содержит сведения о дате проведения сходки, ее характере (законодательном или политическом), создавшем ее магистрате и частном лице, обращавшемся к народу. Сводка в конце таблицы систематизирует данные о карьерных успехах ораторов по моменту их выступления. Вторая имеет обобщающий характер и представляет собой перечень имен, магистратур и дат произнесения речи. В последующих таблицах информация эта детализируется: читатель может найти сведения о выступавших в собрании хотя бы раз плебейских трибунах (табл. 3), консулах (4), преторах (5), квесторах и эдилах (6), цензорах, диктаторах и триумвирах (7). Таблица восьмая представляет собой сводку данных о лицах, многократно выступавших в собраниях.

Любопытен итог: всего известно 90 ораторов, выступления которых можно считать политическими. Из 60 случаев произнесения речей на сходках частными лицами в 40 ораторах были консуляры, в 20 – экс-магистраты, бывшие в том числе и членами жреческих коллегий. Пропорции эти наглядно подтверждают тезис о прямой связи *auctoritas* говорящего с его статусом, с одной стороны, и причастностью к религиозным таинствам, с другой. Обращает на себя внимание, что число ораторов-немагистратов (28) оказывается примерно в половину меньше, чем число известных сходок с их участием (60): многие из них выходили на трибуну в этом качестве не один раз. По количеству выступлений среди *privati* лидируют *principes civitatis* (так, Помпей произнес как частное лицо 9 речей, Цезарь – 4 из известных 7 его речей на сходках, Цицерон – 9 из 12, Катон Утический – 3 из 5). Стремление выступать перед народом в промежутках между занятием общественных должностей очевидно, по мнению автора, заинтересованностью политика в постоянном подтверждении своих *fama* и *auctoritas*, – свойств в высшей степени субъективных и легко утрачиваемых. Уязвимость положения частных лиц заключалась в том, что их возможности добиться выступления в собрании были ограничены – лишь магистрат был вправе и волен созывать сходку и давать слово немагистрату. Невозможность получить доступ к трибуне законным путем зачастую была причиной политического краха – пример Катилины, по мнению автора, наилучшее подтверждение тому. С *potestas contionandi*, которой были наделены лишь магистраты, Ф. Пина Поло связывает существование практики представительства, при котором определенные идеи проводились через магистрата-союзника (к этой стратегии приходилось прибегать прежде всего полководцам, надолго отлучавшимся из Города), и посредничества, подразумевавшего содействие магистрата желающему выступить. Оратору либо давалось слово по уговору (*contionem dare*), либо он приглашался на сходку, специально созванную для него, чтобы народ мог выслушать его веское мнение по какому-то животрепещущему вопросу (*producere in contionem*). Частному лицу приходилось считаться с возможными ограничениями: известны случаи урезания регламента и принуждения говорить *ex inferiore loco*. Ф. Пина Поло расценивает их как явное свидетельство того, что слово в собрании могло предоставляться и политическим противникам, делая вывод, что свобода слова в Риме допускала одновременную презентацию разных мнений в собрании. Кажется, автор упускает в данном случае из виду цели, с которыми это делалось: учитывая семантику организации пространства, религиозную окрашенность его восприятия римлянами⁴, трудно

³ Автор отсылает читателя к своей книге (*Las contiones civiles*. P. 244–313).

⁴ Кнабе Г.С. Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие Республики») // ВДИ. 1994. № 4. С. 65.

не оценить глубины заведомого неравенства условий, в которых внезапно оказывался приглашенный немагистрат. Речь должна скорее идти о политическом трюке, преследовавшем цель опорочить противника, чем о свободе слова, призванной обеспечить право народа на полноту информации и выбор разных точек зрения.

Среди магистратов, о выступлениях которых на сходках сохранились сведения, явно лидируют плебейские трибуны (из 90 известных нам ораторов 41 выступал с речью лишь во время своего трибуната). Преобладание этой группы особенно очевидно в сравнении с другими, среди коих оказывается всего лишь 30 консулов, менее 10 преторов, остальные же магистраты представлены скорее как исключение. Активность плебейских трибунов объяснима особенностями римской системы прохождения общественных должностей: только на сходках молодой человек, еще не достигший претуры, мог обнаружить дар политического оратора, так как курия для него была закрыта; лишь трибунат давал ему шанс добиться признания и славы оратора-политика уже на раннем этапе карьеры. В то же время Ф. Пина Поло отмечает малую вероятность того, что трибун, критически настроенный по отношению к *boni*, мог использовать свою должность, чтобы облегчить себе карьеру – ведь не народ, а элита определяла выбор консула или претора. Распространенная точка зрения, согласно которой популярными были «высочки», использовавшие народ в личных, карьеристских целях, не разделяется автором.

При ответе на вопрос, каковы были способы влияния на общественное мнение в позднереспубликанском Риме, традиционно учитывается лишь роль сочинений всевозможного рода – стихов, памфлетов, речей, распространявшихся в рукописях. Согласно Ф. Пина Поло, значение письменно зафиксированных текстов неоправданно переоценивается в этой связи. Позволить себе иметь и читать манускрипты могли лишь лица, принадлежавшие к высшим слоям, чью точку зрения и пытаются обычно отождествить с «мнением общества». Автор убедительно показывает, что понятие это должно толковаться в широком смысле и включать не только взгляд элиты, но и всех граждан (*consensus hominum, fama, existimatio* или *opinio vulgi*). В Риме именно сходки были формальным коммуникативным каналом, где общение представителей власти с гражданами осуществлялось напрямую, и автор справедливо предполагает, что именно в *contiones* и именно посредством публичного выступления могло быть оказано прямое или косвенное влияние на формирование общественного мнения. Ф. Пина Поло вслед за Ф. Милларом⁵ подчеркивает, что в собрании оратор имел дело с анонимным адресатом – пестрым по своему социальному составу коллективом граждан, который как целое не был связан с говорящим отношениями патрона-клиенты. Целостное впечатление от оратора лично, а не только от содержания его речи имело известное влияние на его политическую карьеру. Доступ к трибуне открывал блестящую возможность субъективной подачи фактов – с целью возвеличить себя или опорочить соперника; искусно поданные в публичном выступлении детали провоцировали появление в народе толков, крайне опасных для конкурентов оратора. Слухи, возникавшие в *contiones*, ощущались элитой как реальная угроза. Предметом обсуждения и осуждения всегда были люди, а не идеи. Под прицелом оказывался прежде всего нравственный облик сенатора; изобличение моральное в речах было равнозначно уничтожению политической репутации. Мобилизация общественного мнения в собрании, как правило, предшествовала официальному обвинению того или иного лица и слушанию дела в *iudicia publica*; кампания в *contiones* закономерно влекла за собой не только судебный процесс, но и приговор. Последствия речи в собрании, провоцирующей появление слухов, были тем страшнее для *boni*, что их большинство, будучи частными лицами, не могло даже выступить в свое оправдание и защиту; особенно эффективными оказывались атаки на политиков, находившихся вдали от Рима.

Понятно раздражение Цицерона, прорывающееся у него зачастую, когда речь заходит о сходках: оценки его крайне субъективны, суждения несут отпечаток личной заинтересованности, с одной стороны, и политико-философских воззрений, с другой. Суть взглядов оратора раскрывает защита Клуенция, построенная целиком на попытке сломить устоявшийся стереотип, убедить публику и судей, что слухи, возникающие в *contiones* и разносимые малообразованными людьми, не просто несправедливы по отношению к *boni*, незаслуженно ввергая их в опасность, но и не могут, не должны учитываться в суде как доказательство вины.

Целью выступления в *contiones* могло быть не только распространение некоей идеи,

⁵ Millar F. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. 74. P. 1–19; Idem. Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.) // JRS. 1986. 76. P. 1–11.

которая впитывалась большинством и становилась основой общественного мнения (как в случае со слухом о предательстве Антония и спасительной для Рима миссии Октавиана). Речь могла и организовывать собравшихся, поощрять их к какому-либо совместному массовому действию (как это было во время процесса против Милона, осуждения присяжных в *iudicium Iunianum*, решения вопроса об изгнании Цицерона). Кажущееся единообразие поведения народной массы на сходках оставляет впечатление, что вся она была побуждаема к действию неким общим импульсом. Этим объяснима склонность историографии персонифицировать группу, собравшуюся в *contiones*, и приписывать ей известное единство взглядов. Против подобного рода интерпретации предостерегают современные исследования в области поведения масс⁶. Народ в Риме, в самом деле, постоянно пытались «привести в движение»; как правило, именно на его активизацию и были направлены действия того или иного политического лидера эпохи гражданских войн. Однако ни одно из известных «движений» в римском обществе не имело целью привлечение народа на свою сторону для изменения существующих порядков. «Мобилизации» общественного мнения оставались сиюминутными; повторение попыток организовать собравшихся на сходку свидетельствует лишь о безуспешности попыток предшествующих, последствия их в любом случае были кратковременными.

Невозможность долго оказывать влияние на народ остро ощущалась многими политическими деятелями, старавшимися поэтому добиться продления своих трибунских полномочий. После Гая Гракха и Сатурнина действия такого рода были запрещены. Удивляют интуиция и проницательность Клодия: ему дольше всех удавалось сохранять свое влияние в народе благодаря систематическим выступлениям на сходках. Легального и практически постоянного доступа к трибуне в *contiones* он достиг, оптимально используя возможности, предоставляемые квестурой, трибуналом, эдилитетом, а в промежутках между ними – опираясь на поддержку друзей среди магистратов. Свою активность в собрании Клодий ловко сочетал с деятельностью в им же самим созданных коллегиях. По мнению Ф. Пина Поло, он единственный, кого, хотя и с натяжкой, можно назвать «лидером общественного движения».

Прекрасное знание современных политологических и социологических теорий – одно из достоинств автора и его работы. Прибегает он к ним весьма осторожно, прокламируя неприменимость к реалиям Римской республики многих терминов, выработанных в результате изучения социально-политических структур Нового времени. Так, Ф. Пина Поло последовательно возражает против употребления понятий «общественно-политическое», «демократическое» движение. Однако отказ от модернизаторства как принцип в целом не выдерживается по ходу работы. Автор, как кажется, несколько осовременивает общественные отношения Поздней республики, преувеличивая роль целеполагающей деятельности не только отдельных политиков, но и целых социальных групп. Проявляется это прежде всего в словоупотреблении – политические «планы», «программы» – подобная терминология противоречит отмечаемым самим автором ситуативности и кратковременности действия тех или иных политических выступлений в собрании, составляющих особенность мобилизации общественного мнения в Риме. Далее, то обстоятельство, что первые учебники риторики были написаны «представителями элиты – сенаторами и всадниками», Ф. Пина Поло истолковывает как попытку «аристократии» «монополизировать не только право слова, но и само обучение искусству речи, так как владение им было равнозначно приобретению власти» (с. 91). Может быть, проще было бы в данном случае искать причины, а не глобальные цели, тем более, что объяснение очевидно: именно представители высших слоев располагали не только достаточным свободным временем и материальными условиями для написания руководств по риторике, но и изобилием теоретических и практических сведений о том, каким должен быть оратор и его искусство, почерпнутыми, к тому же, зачастую в кругу семьи или в далеких (и дорогостоящих) заморских путешествиях. К тому же, если следовать рассуждениям автора, пытающегося оспаривать положения В. Харриса⁷ о широкой распространенности грамотности в Риме, дорогостоязна манускриптов должна была безнадежно ограничивать хождение и использования подобного

⁶ Turner R.H., Killian L.V. *Collective Behavior*. N.Y., 1957; Heberle R. *Types and Functions of Social Movements* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*, XIV. N.Y., 1968. P. 438–444; Hobsbawm E.J. *Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movements in the 19th and 20th Centuries*. Manchester, 1959; McCarthy J.D., Zald M.N. *Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory* // *American Journal of Sociology*. 1977. 82. P. 1212–1241.

⁷ Harris W.V. *Ancient Literacy*. Cambr., 1989.

рода пособий более широкими слоями, нежели сенаторское и всадническое, и лишала всякого смысла прокламируемую в книге борьбу за монополию если уж не на само искусство речи, то на его преподавание.

Справедливо отмечая, что пространственное положение оратора в собраниях символизировало не только культурное, но и моральное и политическое превосходство, автор недооценивает значение религиозного восприятия организации самого этого пространства. Между тем, те наблюдения, которые делались в этой связи на материале римских судов⁸, могли бы дополнить аргументацию автора, касающуюся религиозной окрашенности любого выступления и в собраниях. В то же время некоторые аргументы, приводимые в поддержку этого тезиса в книге, хронологически соотносимы не только с временами Поздней республики, но значимы и для Ранней империи: этимология слова *orator* живо ощущалась и современниками Тацита (Тас. Dial. 1.1; Quint. Inst. orat. 12.1.2, 24). Цитата из речи Апра в диалоге, на которую ссылается Ф. Пина Поло⁹, представляет собой метафору и лишь из нее одной неясно, насколько она была традиционна или оригинальна, насколько тесна была связь между прямым и переносным смыслом для современников Тацита, не говоря уже о том, как она могла быть воспринята в I в. до н.э. Вопрос, насколько живо было религиозное восприятие оратора при принципсах, очень интересен. Наблюдения Ф. Пина Поло – важное подспорье в возможном решении этой проблемы.

Рецензируемая книга наводит на размышления о судьбе искусства публичного слова в I в. н.э. Вкратце обрисовывая перспективу эволюции ораторского искусства при Империи, автор не избегает иногда натяжек и упрощений, которые естественны, – подобный экскурс, собственно, и не составлял особой исследовательской задачи в книге, целиком ограниченной временем Поздней республики. Взгляд Ф. Пина Поло интересен тем, что он вполне характерен для современного состояния историографии, рассматривающей имперское ораторское искусство, как правило, не специально, а исходя из республиканского. Типичен акцент на диалоге Тацита «Об ораторах» – сочинении сложном, многоплановом, трактовка которого лишена однозначности. Упрощенными кажутся рассуждения о тенденции развития ораторского искусства I в. н.э. на основе лишь одного этого трактата, понимаемого зачастую прямолинейно. Так, настораживают заверения Ф. Пина Поло в том, что *tirocinium fori* при империи не был возможен, что риторика уже не имела практического значения, выродившись в чистую теорию и ограничившись лишь сферой упражнений в декламациях. В качестве подтверждения этого тезиса Ф. Пина Поло (как это уже не раз случалось в литературе) ссылается на речь Випстана Мессаллы (Тас. Dial. 34.1 sqq.), которая, однако, сохранилась не полностью и обрывается как раз там, где персонаж Тацита, сравнивая систему образования при республике и империи, переходит к последней. Лакуна обозначает как раз то место, где герой должен был бы по логике завести речь о *tirocinium fori*. Чем закончились его рассуждения, куда ведут приводимые параллели, неизвестно; будущий историк, усердно ловивший каждое слово своих наставников (Тас. Dial. 2.1), как многие молодые люди его возраста (Тас. Dial. 20.4), Квинтилиан, следовавший за Домицием Афром буквально по пятам (Inst. orat. 2.4.26; 5.7.7; 10.1.86; 10.1.102; ср. также многочисленные отсылки к личным воспоминаниям об ораторах, которых ритор видел и слушал в том числе и будучи юношей – ibid. 1.5.24; 1.11.10; 2.8.14; 5.6.6; 8.3.31; 8.5.21; 8.5.24; 10.1.118; 12.10.11; 12.11.3; 12.5.6), – лучшие примеры желания юношества I в. н.э. учиться ораторскому мастерству, а значит, престижности и жизнеспособности искусства слова. Широта практического применения советов, собранных в трактате Квинтилиана, укорененность их в действительности Ранней империи, а не только теоретических дискуссиях, утративших якобы целиком связь с реальностью первого века новой эры, была подчеркнута Дж. Крук¹⁰. Структурные сдвиги, связанные с изменением социально-политической роли публичной речи с наступлением империи, были несомненно более сложны. Преждевременно судить о них на основании одного лишь диалога Тацита в отсутствие сколько-нибудь специального и систематического исследования всех свидетельств, касающихся теории и практики ораторского искусства, роли и места оратора в структуре римского общества I в. н.э., реконструкции не только частных деталей, но и общей, целостной картины ценностей и представлений, связываемых с ораторским искусством не только незаурядными писателями, но и массовым сознанием. В этой связи заслуживают особого

⁸ См. прим. 4.

⁹ *ipsa eloquentia, cuius numen et caelestis vis multa quidem omnibus saeculis exempla edidit, ad quam usque fortunam homines ingenii viribus pervenerint* (Dial. 8.2).

¹⁰ Crook J.A. *Legal Advocacy in the Roman World*. L., 1995. P. 167, 169 f.

внимания и рассуждения автора рецензируемой работы о роли публичного выступления для создания имиджа отдельных сенаторов и сенаторского сословия в целом.

Книга Ф. Пина Поло, таким образом, представляет читателю не только целостную концепцию и характеристику политической роли свободного слова в свободном обществе, но и наводит на мысль о необходимости исследования, так сказать, реликтовых элементов этой роли, которые, возможно, сохраняли известное значение и при Ранней империи. Актуальность темы, глубина источниковедческого анализа, четкость концепции, емкость и в то же время краткость изложения в книге побуждают обратить на нее внимание отечественного читателя.

О.Г. Колосова

M. Hose. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart – Leipzig: BG. Teubner, 1994. XII, 522 S.

Изучение античной историографии началось еще в древности, интерес к ней не ослабевает и по сей день, о чем свидетельствует неиссякающий поток посвященных ей монографий, статей и комментариев. Однако предметом целостного анализа является обычно творчество какого-то одного *regum scriptoris*, исключения же из этого правила редки. К их числу относится и книга немецкого исследователя Мартина Хозе «Обновление прошлого: историки в эпоху Римской империи от Флора до Диона Кассия».

Во введении (гл. 1, с. 1–4) автор констатирует, что в I в. н.э. произошел разрыв с некоторыми традиционными направлениями греко-римской историографии (почти отсутствуют труды по всеобщей истории и истории Рима *ab Urbe condita*), зато начиная с Кремуция Корда до Тацита развивается историография современности (*Zeitgeschichtsschreibung*). Однако после Тацита представители просенатской *Zeitgeschichtsschreibung* нам более не известны, зато, напротив, происходит ренессанс угасших было в I в. н.э. жанров всеобщей и римской истории *ab origine*. При этом происходит «смена парадигм»: греки Кефалион, Клавдий Харакс, Аппиан, Дион Кассий продолжили традиции Диодора, Тимагена и Николая Дамасского, а римляне Флор, Граний Лициниан, Вибий Максим – традиции Ливия. Возникает вопрос, что привело к подобным изменениям. Причем, как отмечает Хозе, «причины ренессанса историографии как универсальной истории нужно искать не столько в чисто литературных факторах, сколько во вновь пробудившемся интересе к подобного рода историописанию» (с. 4). Более конкретному выяснению этих причин и посвящена рецензируемая работа.

Во второй главе (с. 5–18) автор рассматривает роль истории в школьном преподавании периода Ранней империи. Указывается, что в элементарном и грамматическом образовании греков она не играла роли, однако исторические темы использовались в качестве основы для сочинений и декламаций. При этом обычно ограничивались фактами, содержащимися у авторов классической эпохи – Геродота, Фукидида, Ксенофонта, десяти ораторов¹. Нескольким иной была ситуация в римской школе, где исторический материал осваивался главным образом при чтении «исторического эпоса» – «Анналов» Энния и «Энеиды» Вергилия. Чтение эллинских и римских историков давало будущим ораторам широкие познания, использовавшиеся в декламациях на исторические темы. При этом греческие риторы, как и в преподавании, ограничивались классическим периодом своего собственного прошлого и не обращались к прошлому Рима, тогда как римляне брали примеры как из родной, так и из греческой истории².

В третьей главе (с. 19–52) разбирается вопрос о значении историографии вне системы образования, о формах рецепции историографии и о функциях последней. Автор отмечает,

¹ При изучении греческой истории акцент на классический ее период сохранялся еще в VI в. См.: Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокопий Кесарийский. Войны с персами. Войны с вандалами. Тайная история*. М., 1993. С. 423.

² Любопытно, однако, отметить, что греческие авторы писали о римской истории неизмеримо чаще, чем римские о греческой.